

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ КОНТУРЫ
СОВРЕМЕННОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
ВЛАДИМИРА ФУРСА

Вероника Фурс, Андрей Ролёнок

DOI: <https://doi.org/10.61095/815-0047-2025-1-7-27>

RETHINKING THE CONTOURS OF CONTEMPORARY CRITICAL
THEORY BY VLADIMIR FOURS

© Veranika Furs

Associate Professor, European Humanities University, Academic

Department of Social Sciences,

17 Savičiaus Str., 01127, Vilnius, Lithuania,

E-mail: veronika.furs@ehu.lt

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8729-4168>

© Andrey Rolyenok

Independent Researcher, MA in Philosophy

Email: rolyenok@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8810-2910>

Abstract: This article serves as an extended editorial introduction to the special issue of *Topos* journal, marking the 15th anniversary of the passing of the influential Belarusian philosopher Vladimir Fours (1963–2009). It aims to critically revisit and contextualize Fours's contribution to contemporary critical social theory within the framework of current global and regional transformations, particularly in Belarus and Central-Eastern Europe. The authors reconstruct key stages of Fours's intellectual evolution and emphasize the lasting relevance of his work. Alongside a reconstruction of Fours's intellectual trajectory and the reception of his ideas, the article provides an overview of contemporary developments in critical theory, including the rise of digital capitalism, ecological crisis, the transformation of the public sphere, and the emergence of new epistemic frameworks such as postcolonial theory, feminist critique, and critical AI theory. The authors argue that Fours's conceptualization of critical theory as a reflexive, ethically grounded, and socially engaged project remains crucial

today. His legacy offers valuable tools for analyzing the challenges of the present and for imagining alternative futures rooted in critical thought and emancipatory praxis. The article also highlights the commemorative and scholarly efforts surrounding the 2024 conference “Contours of Contemporary Critical Theory” and explores the role of Fours’s legacy in fostering new directions for interdisciplinary research, public engagement, and critical dialogue in the post-Soviet intellectual landscape.

Keywords: critical social theory, Vladimir Fours, Belarus, Belarusian national project, post-Marxism, globalization, regressive sociality.

Введение

Размышления о растущем отчуждении и новых формах несвободы становятся всё более актуальными в современном мире в контексте процессов де-демократизации, усиливающейся консолидации и солидаризации авторитарных режимов, а также растущей общественно-политической фрагментации в демократических странах. Это побуждает многих социальных теоретиков возвращаться к идеям, разработанным в рамках критической теории, основанной на принципах рефлексивности и негативности по отношению к современным социально-политическим порядкам.

В 2023 году критической теории, ассоциированной с «Франкфуртской школой» и Институтом социальных исследований (далее — ИСИ), исполнилось 100 лет. По случаю юбилейной даты новый директор ИСИ Стефан Лессених (сменивший в этой должности Акселя Хоннета) инициировал и провел совместно с членами ИСИ интенсивную дискуссию с целью разработки новых перспектив для будущих исследований в Институте. Промежуточные результаты этого продолжающегося процесса самооценки были представлены для публичного обсуждения (Institut für Sozialforschung 2023). Авторы сохраняют общую приверженность идейным и нормативным установкам критической теории общества, представленной в трудах «классиков» (Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно, Герберт Маркузе и др.). Но при этом артикулируют необходимость ее переосмысления в контексте новых материальных, политических и социальных условий (структурных изменений в капиталистическом обществе, возвращения войны на европейский континент и др.), фиксируют появление новых противоречий, исследовательских тем и методологических подходов (эпистемических горизонтов критической теории)¹.

1 «Основной темой исследований в Институте стало растущее несоответствие между нормативными обещаниями современности и их социаль-

Участники дискуссии предлагают пересмотреть социальное позиционирование ИСИ, сделав акцент на категориях кризиса и конфликта, которые проявляются в процессе воспроизводства современного капиталистического социального порядка (например, экологическое опустошение и социальное обнищание). Новым объектом анализа критической теории общества становится капиталистическая социальная формация в целом как глобальная констелляция противоречий, а новыми тематиками исследования — различные противоречия в различных сферах (например, климатический кризис (изменения климата), глобальные миграционные движения и потоки, гендерные отношения, кризис представительской демократии² и др.).

Таким образом, ИСИ видит свою задачу в открытии пространства для альтернативных концепций и практик, напоминая о том, что изменения требуют активных действий как в политической, так и в академической сферах. В конечном итоге ИСИ выступает за критическую теорию, которая не только дистанцированно анализирует существующие условия, но и остается солидарной с социальным миром, в котором она находится, исследуя возможности и пределы социального изменения, учитывая исторический контекст и неудачи революционных движений прошлого. Критическая теория сегодня подчеркивает, что изменения возможны, но также признает существование условий для регрессивных и авторитарных тенденций («форм антиэмансипаторного закрытия социальных воображаемых» (Institut für Sozialforschung 2023: 19)).

ным воплощением на практике, кажущееся парадоксальным превращение индивидуальных требований автономии в институционализированные дисциплинарные процессы. <...> Мы переживаем цифровую революцию, затрагивающую все сферы общества и практически все измерения повседневной жизни; мы являемся свидетелями глобального подъема, в немалой степени обусловленного социальными сетями, правого авторитаризма, антисемитизма и неонацизма; а материальные основы общественного воспроизводства постепенно и необратимо разрушаются» (Institut für Sozialforschung 2023: 16).

- 2 «Наконец, в фокусе внимания противоречия поздней современной демократии, где политическое участие может быть гарантировано только исключениями по признаку гражданства, а гарантии социальной интеграции и права на благосостояние обеспечиваются убийственным пограничным контролем. Это демократия, в которой материальные и символические ресурсы, обеспечивающие видимость в публичной сфере, остаются систематически неравномерно распределенными, демократия, которая всё больше милитаризируется во имя поддержания мира и которая отвечает на конкретные протесты против разрушения естественных основ жизни криминализацией и государственными репрессиями» (Institut für Sozialforschung 2023: 22).

Поскольку критическая теория продолжает рассматривать существующий социальный порядок как порядок структурно укоренившегося господства, эксплуатации и отчуждения, она также будет продолжать опираться на некоторое понятие освободительного процесса, которое указывает за пределы этих структур, даже если этот процесс неизменно множественный, нетелеологический, открытый и негативный по своей ориентации.

Современная критическая теория является трансдисциплинарной исследовательской стратегией и отходит от узкой преемственности с классической «Франкфуртской школой», включая в себя множество разнообразных дискурсов: постмарксизм, психоанализ, культурные и постколониальные исследования, феминизм и т. д. Будучи скорее своего рода «зонтичным термином», нежели интегральной концепцией, критическая теория предстает как точка схождения самых разных подходов к осмыслению актуальных социальных трансформаций.

Уже философский проект Владимира Фурса был во многом сфокусирован на поиске и осмыслении критической теории современности, релевантной актуальным процессам социальных трансформаций. Сам Фурс обозначал социальную критическую теорию как исследовательскую программу, представляющую собой «мыслительное пространство возможного, частичной реализации которого являются многообразные авторские концепции».

«Критическая теория, которая, как казалось, сошла со сцены актуальных философских дискуссий после смерти основных представителей Франкфуртской школы и стала одним из экспонатов музея интеллектуальной истории XX века, представляющих главным образом образовательный интерес, переживает второе рождение, воплощаясь в широком спектре современного социально-культурного критицизма. Как определенная эпистемическая модель критическая теория оказалась такой формой исследовательского самосознания, которая отвечает сегодняшней кондиции интеллектуальной деятельности и наличным тенденциям развития социогуманитарного знания и благодаря этому задает продуктивную стратегию философствования и полидисциплинарного анализа социальной жизни» (Фурс 2001: 92).

Поле социально-критической теории, в котором работал Фурс, за последние десятилетия претерпело изменения: с момента публикации фурсовских «Контуров современной критической теории» прошло больше двадцати лет, в течение которых мы стали свидетелями и очевидцами как социальных, политических, культурных трансформаций, так и появления новых исследовательских

полей. К тому же естественный ход истории вносит свои неизбежные коррективы. Так, в 2024 году ушел из жизни такой известный социальный критик, как Фредрик Джеймисон, а в 2015 году не стало Ульриха Бека, в 2016 — Джона Урри, в 2017 — Зигмунта Баумана.

Если концептуальной основой собственных теоретических построений Фурса была коммуникативная парадигма критической теории, представленная преимущественно Хабермасом и его последователями (А. Хоннет, Н. Фрейзер и др.), а также социальная теория глобализации (Р. Робертсон, У. Бек, А. Аппадурраи, Дж. Урри и др.), то сегодняшние версии критической теории (например, критика цифрового капитализма К. Фукса³) идут дальше «хабермасианства» и глобализации, концентрируясь на дискурсе виртуализации и цифровизации, анализируя рост сетевого капитализма, технологические аспекты трансформации общества, цифровое неравенство и отчуждение. Под влиянием развития новых технологий XXI века не только обновляются подходы, тесно связанные с критикой инструментальной и технологической рациональности в духе «Франкфуртской школы» (например, критическая теория технологий, которую разрабатывает Эндрю Финберг (Feenberg 2017), американский философ, ученик и популяризатор идей Герберта Маркузе), но также появляются новые направления анализа (например, критическая теория искусственного интеллекта (Lindgren 2024)), в которых диагностируется, что технология искусственного интеллекта воспроизводит и усиливает существующие социальные, культурные и экономические предвзятости и неравенства, а также приводит к угнетению определенных социальных групп и созданию новых структур власти.

И даже такой «классик» критической теории, как Юрген Хабермас, был вынужден обновить свою концепцию публичности и де-либеративной политики, чтобы отреагировать на тренд цифровизации (Habermas (2023) [2022]). В данной книге, написанной спустя 60 лет после публикации фундаментальной работы «Структурная трансформация публичной сферы» (1962), Хабермас осмысляет новую структурную трансформацию публичной сферы в конституционных либеральных демократиях в эру социальных сетей

3 «Цифровой капитализм — это не новая фаза капиталистического развития, а скорее аспект организации капитализма, который формируется с помощью цифрового посредничества. При цифровом капитализме такие социальные процессы, как накопление власти, накопление капитала, классовая борьба, политическая борьба, гегемония, идеология, коммодификация или глобализация, опосредованы цифровыми технологиями, цифровой информацией и цифровой коммуникацией. Транснациональные цифровые и коммуникационные корпорации играют важную роль в цифровом капитализме» (Fuchs 2021: 10).

и цифровизации. Согласно Хабермасу, технологический прогресс цифровой коммуникации ведет к расширению и фрагментации публичной сферы и превращает всех участников в потенциальных авторов. На фоне падения роли традиционных СМИ всё большее влияние обретают крупные интернет-платформы. Подобная цифровая трансформация медиа ведет к деградации публичной сферы и подрывает функционирование делиберативной политики.

Хабермас тем не менее сохраняет символическую приверженность критическим установкам «Франкфуртской школы» и собственной коммуникативной парадигме в отношении негативной динамики капитализма и ее деструктивного влияния на политическую публичную сферу. Он утверждает, что без надлежащего регулирования цифровых медиа (например, правовой регуляции коммерчески ориентированных социальных сетей) эта новая структурная трансформация не только размывает различие между «публичным» и «частным» (а значит, инклюзивное значение публичной сферы), но и рискует выхолостить институты, посредством которых демократии могут формировать социальные и экономические процессы и решать неотложные коллективные проблемы, начиная от растущего социального неравенства и заканчивая климатическим кризисом. Хабермас пишет, что «поддержание структуры СМИ, которая обеспечивает инклюзивный характер публичной сферы и совещательный характер формирования общественного мнения и политической воли, является не вопросом политических предпочтений, а конституционным императивом» (Habermas 2023 [2022]: 67). Таким образом, чтобы противостоять угрозе деградации публичной сферы и регрессу демократии в контексте современного цифрового капитализма, Хабермас призывает к цифровому конституционализму (цифровому народному суверенитету) и инклюзивной публичной коммуникации.

Критический теоретик Нэнси Фрейзер (к концепции которой обращался Фурс (Фурс 2004) в своей реконструкции коммуникативной версии критической теории) также отталкивается от диагностики кризиса и постулирует капитализм как объединяющую причинно-следственную связь между, казалось бы, различными кризисами (в отношении работы по уходу, окружающей среды и политических институтов), рассматривая капитализм как институционализованный социальный порядок, в котором экономическая система «канибализирует» те самые условия, которые делают это возможным в сферах социального воспроизводства, природной среды и политической системы (Fraser 2022). Фрейзер сочетает анализ «объективных» социальных условий (противоречий и кризисов) с ориентацией на социальные движения,

анализируя «пограничную борьбу», которая возникает на стыках между экономической системой и другими областями, обосновывая необходимость объединения этой борьбы вокруг антикапиталистической повестки дня и важность глубокой структурной трансформации существующего общественного порядка.

Фрейзер также обращается к экологическому кризису, фокусируясь на роли финансиализованного капитализма в климатической катастрофе и необходимости того, чтобы экополитика была антикапиталистической, чтобы мы могли восстановить контроль и начать переосмысливать с нуля наше отношение к природе (Fraser 2021).

Таким образом, современная критическая теория постоянно трансформируется, расширяя свои аналитические горизонты и реагируя на новые вызовы эпохи цифровизации, виртуализации, экологического и политического кризиса. В отличие от классических подходов, современные исследователи акцентируют внимание на дискурсе виртуализации, цифрового капитализма и технологических трансформациях общества, а также на противоречиях глобальной капиталистической системы. Важной тенденцией является переосмысление роли публичной сферы, необходимости регулирования цифровых медиа и поиска путей для радикальных социальных изменений. Критическая теория сегодня не только анализирует структурные противоречия современного мира, но и ставит задачу активного участия в их преодолении через развитие альтернативных концепций и практик, ориентированных на социальную эмансипацию и устойчивое развитие.

В июне 2024 года в Европейском Гуманитарном Университете (Вильнюс, Литва) состоялась конференция «Контурсы современной критической теории» (Фурсовские чтения 2024), посвященная 15-й годовщине со дня смерти Владимира Фурса (1963–2009), автора более сотни статей и четырех монографий по философской проблематике. Его монография «Контурсы современной критической теории» (Фурс 2002)⁴, которую сам Фурс назвал своей «первой зрелой книгой» (Фурс 2002: 9), подсказала и проблематику, и название конференции.

Задумывая конференцию «Контурсы современной критической теории» 2024 года как повод почтить память Владимира Фурса, мы также преследовали и более широкую цель — актуализировать и осмыслить условия возможности критической теории в контексте современных социальных трансформаций (включая актуальные процессы в Беларуси и Центрально-Восточной Европе). На

4 Опубликована в 2002 году отдельным изданием, а после смерти философа — в двухтомнике его работ (Фурс 2012b: 5–176).

протяжении двух дней, в рамках 8 тематических дискуссионных панелей, исследователи из Беларуси, Литвы, Польши, Украины, Германии, Швейцарии обсуждали вопросы истории и современных концепций социальной критической теории, постмарксистской критики капитализма, диверсификации и денатурализации понятия общества и субъекта в психоанализе, исследований политики, кризиса дискурса глобализации, феминистской и гендерной теории, критической теории медиа, интернета и технологий, постколониальных исследований. Состоявшиеся в рамках конференции дискуссии, с одной стороны, отразили те глобальные тенденции в развитии социально-критической теории, о которых шла речь выше. С другой стороны, они внесли весомый вклад в осмысление современных локальных / региональных трансформаций в Восточной Европе.

«Фурсовские чтения» предполагают проведение регулярных конференций по актуальной социально-критической проблематике с последующей публикацией докладов в виде сборника статей либо, как в данном случае, в виде тематического выпуска журнала «Топос». Идея «Фурсовских чтений» возникла на основе стихийных практик коммеморации⁵ Владимира Фурса, которые после его смерти в 2009 году осуществлялись благодаря усилиям его коллег и учеников. Многие авторы на страницах журнала «Топос» или в публикациях издательства «ЕГУ» обращались к идеям и концептам Фурса с целью рецепции, развития или полемики. Помимо коммеморативной составляющей, «Фурсовские чтения» преследуют и более амбициозную цель: создание профессиональной сети, способной обеспечить устойчивую и долгосрочную коммуникацию, а в перспективе и сотрудничество, между исследователями, работающими в поле социально-критической теории, как на локальном / региональном, так и на международном уровне. Пользуясь случаем, мы бы хотели выразить благодарность руководству ЕГУ за возможность реализации данного проекта, а также редколлегии журнала «Топос» за возможность публикации тематического выпуска по итогам конференции 2024 года.

Интеллектуальная эволюция Владимира Фурса: от преподавания философии к мышлению от первого лица

В философском наследии Владимира Фурса можно условно выделить три этапа: 1) отход от марксистско-ленинской философии и обращение к теоретикам Франкфуртской школы;

5 Более подробно см. далее в настоящей статье.

2) концептуальное осмысление контуров современной критической теории; 3) критическая рефлексия в отношении «казуса Беларуси».

В конце 1980-х годов Владимир Фурс после успешного завершения аспирантуры начал преподавать на кафедре марксистско-ленинской философии БГУ. Начало его преподавательской карьеры совпало с горбачевской перестройкой и последующим распадом Советского Союза. Марксистско-ленинская философия (далее – МЛФ), на протяжении десятилетий диктовавшая «единственно верную» точку зрения на природу и общество, с распадом СССР утратила свое эксклюзивное право на истину. Что, впрочем, не означало, будто сама эта философия прекратила свое существование: ее идеологический дискурс еще долгое время будет просачиваться в постсоветское производство знания, особенно социогуманитарного. Тем не менее в 90-е годы начинается усиленный поиск новых имен и концепций в философском поле (как русскоязычной, так и западной философии), которые могли бы заполнить образовавшуюся брешь. Марксистско-ленинская философия позиционировалась (и воспринималась) в советское время как всеобъемлющая доктрина, так что успешная философская карьера предполагала правильное чтение и интерпретацию идей классиков МЛФ, их «уместное» цитирование и встраивание реалий в предлагаемую МЛФ картину мира. Между тем, то поколение молодых постсоветских философов, которые уже не хотели оставаться в гравитационном поле МЛФ, стало искать возможные альтернативы – кто-то в русской философии, кто-то в западной философии, но со схожим намерением сменить один центр притяжения (МЛФ) на другой / другие. Фурс рассматривал это как необходимый этап интеллектуального движения, который позволит в дальнейшем выработать свою собственную философскую позицию и иметь возможность говорить от первого лица.

Таким образом, первый этап этого движения состоял в выборе символической фигуры, которая позволит в интеллектуальном плане преодолеть притяжение МЛФ. Для Фурса такой фигурой стал Юрген Хабермас. Этот период представлен книгой Фурса «Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса» (Фурс 2000).

Между тем уже во введении к «Контурам современной критической теории» (2002), подводя итоги «экземплярного», по его собственному выражению, анализа концепций Хабермаса и Фуко в контексте их валидности для парадигмы критической теории, Фурс пишет: «Парадигма – в отличие от ее реализации в чьей-то доктрине – это открытая возможность выражения твоего собственного, а не чьего-то мышления, и роль привлекаемых авторитетов в данной статье полностью исчерпывается тем, чтобы

помочь эту возможность содержательно определить» (Фурс 2002: 42).

Попробуем конспективно зафиксировать те положения работ Фурса, которые позволили ему очертить контуры современной критической теории, какими они виделись философу в 2002 году.

1. *Отказ от рассмотрения современной критической теории как продолжения традиции марксизма.*

Указывая, что уже Франкфуртская школа продемонстрировала разрыв с классическим марксизмом, Фурс подчеркивает, что в современной критической теории этот разрыв становится еще более заметным, и это ставит под сомнение зависимость критической теории от марксизма. Более того, Фурс предлагает рассматривать вопрос преемственности в отношениях марксизма и критической теории в обратном порядке: «Не критическая теория принадлежит к традиции марксизма, а марксизм представляет собой раннюю форму критической теории» (Фурс 2002: 13).

2. *Расширение горизонта современной критической теории: от конкретной доктрины к широкой исследовательской программе.*

Современная критическая теория, по мнению Фурса, выходит за пределы марксистской традиции критицизма. Так, если классическая критическая теория демонстрирует отказ от ортодоксального марксизма, ассимилируя психоаналитическую парадигму, то современная критическая теория вдобавок «ассимилирует стратегию маргиналистского критицизма, восходящую к Ницше» (Фурс 2002: 17).

Рассмотрение критической теории в ее современном состоянии как широкой исследовательской программы позволяет Фурсу выдвинуть в качестве ключевых фигур, «знаменующих ее начало и одновременно определяющих масштаб возможного разброса авторских позиций», совершенно концептуально несхожих между собой Хабермаса, Фуко, Гидденса и Бодрийяра. Этот шаг философ аргументирует тем, что обозначенные выше трансформации как самого философского дискурса (преодоление модели сознания), так и устройства социального мира (распад «организованного модерна») вызывают к жизни «активную философию» и «думающую социологию»: «Пересечение и резонансное взаимодействие этих двух инициатив — “социализации” философской установки и разработки нового образа социального — рождают критическую социальную теорию как своего рода совместное предприятие “активной философии” и “думающей социологии”» (Фурс 2002: 5).

3. *Социальный критицизм vs «общая» критическая теория.*

Фурс основательным образом раздвигает рамки современной критической теории, рассматривая ее как взаимодействие «активной философии» и «думающей социологии». В то же время он

подчеркивает необходимость разведения социального критицизма и критической теории:

«Возникает опасность, что контуры современной критической теории вообще утратят всякую определенность, поскольку к ней, при достаточно гибком подходе, можно причислить любое мало-мальски теоретически оформленное проявление социального недовольства интеллектуалов» (Фурс 2002: 17).

Задача, которую ставит перед собой Фурс, заключается в «экспликация концептуальных оснований современной критической теории» (Фурс 2002: 19). Эти основания представлены у Фурса в виде следующих тезисов (Фурс 2002: 21–34), которые мы здесь только перечислим:

- принцип случайности самой теории,
- инкарнация трансцендентальной установки,
- социальная жизнь — это вся реальность,
- тезис о производительной силе символического.

Эти положения позволили философу сформулировать более общий тезис: «В парадигме современной критической теории осуществлена социализация философской рациональности» (Фурс 2002: 34).

4. *Современная критическая теория как осознанная этическая позиция.*

Сводя философскую рациональность к нормативному комплексу, «задающему регулятивы философскому мышлению и тем самым определенным образом его артикулирующему» (Фурс 2002: 35), Фурс указывает составляющие этого комплекса: универсалистская установка (Фурс 2002: 35), принудительный характер рационального знания (Фурс 2002: 36) и метафилософская этика познания (Фурс 2002: 36). Третье слагаемое философской рациональности, по мысли Фурса, представляет этику эмансипации (Фурс 2002: 39). В рамках современной критической теории эмансипация — это «особый опыт, который мы проделываем (или не проделываем) относительно самих себя» (Фурс 2002: 40). Тем самым, указывает Фурс, «критическая теория сегодня — это прежде всего осознанная этическая позиция, последовательно проводимая в жизненных практиках индивида, в том числе — и в его *теоретической практике*» (Фурс 2002: 40).

Книгу «Контурсы современной критической теории» можно считать началом второго этапа интеллектуального пути Фурса. В полной же мере этот этап реализовался в реконструкции того поля, в котором символическая фигура-опора подвергается

своеобразной ревизии и тем самым перестает быть таковой. Текст Фурса «Социальная философия в непопулярном изложении» (Фурс 2006b), где разворачивается коммуникативная парадигма современной критической теории, где он апеллирует к Нэнси Фрейзер, Акселю Хоннету, работает с практиками борьбы за признание, разрабатывает иные темы, — это и есть реконструкция поля, необходимая для того, чтобы начать философствовать, начать мыслить от первого лица.

Третьим этапом творческой эволюции Фурса можно считать поворот к Беларуси. Примечательно, что Фурс осуществил этот поворот именно из перспективы критической социальной теории. Это тот сложный путь, который необходимо пройти любому интеллектуалу: каким образом актуальные концепты, выработанные в иных контекстах авторами иной культурной принадлежности, можно использовать и «заставить» работать, чтобы расширить горизонты нашего «социологического воображения» (согласно выражению Ч. Миллса) здесь и сейчас, в Беларуси, в белорусском культурном ландшафте⁶. У Фурса есть тексты, отвечающие на этот вопрос, — текст про глобализацию (Фурс 2005: 5–18), про белорусский проект современности (Фурс 2007а: 43–58), про демократию в Беларуси (Фурс 2006с: 15–24), про публичную сферу (Фурс 2008b: 5–23), про образование (Фурс 2007с: 44–55). Практически все эти тексты были написаны и опубликованы им на русском языке, за исключением одной публикации на белорусском в журнале «Arche» (изначально также написанной на русском) (Фурс 2008а: 85–90).

Сам Фурс, как и многие русскоязычные интеллектуалы в Беларуси начала 2000-х, никогда не отделял себя от Беларуси, подчеркивая свою «русскоязычную белорусскость». На тот момент еще была сильна иллюзия возможности такого варианта «незалежнасці», при котором быть белорусом означало работать и творить в Беларуси и для Беларуси, не заостряя внимание на языковом вопросе⁷. Между тем в нынешних условиях такой вариант практиче-

- 6 В предисловии к собранию сочинений Фурса Ольга Шпарага также пишет о данном направлении исследовательской деятельности Фурса, «которое в его собственных терминах можно обозначить как “практизация философии”. Имеется в виду применение разработанного инструментария этой самой теории к анализу социальных, политических и прочих реалий, прежде всего, современной Беларуси» (Шпарага 2012а: 10).
- 7 Во вступительной статье к тематическому выпуску журнала «Топос» (In Memoriam. Vladimir Fours) Татьяна Щитцова отмечает: «В то время как и в белорусском публичном дискурсе, и в теоретических дискуссиях этот вопрос рассматривался преимущественно в рамках традиционной дихотомии этнического и гражданского национализмов, Фурс намечает возможность преодоления этой контрпродуктивной дихотомической логики» (Щитцова 2020: 9).

ски не работает: необходимость использования белорусского языка означает в том числе вклад в практику деколонизации. Выход сборника переводов работ Фурса о Беларуси на белорусский язык, осуществленный благодаря бескорыстным усилиям его коллег и учеников в 2024 году (Фурс 2024)⁸, устраняет этот пробел и, как представляется, будет способствовать возрождению интереса к философскому наследию Фурса с целью последующей реактуализации его идей.

Одним из концептуальных ресурсов для анализа белорусской социальной реальности для Фурса была социальная теория глобализации. Именно переработка данной теории позволила автору контурно сформулировать собственную концепцию / гипотезу «регрессивной социальности» применительно к Беларуси и постсоветской ситуации. Совпавшие по времени события — глобализация и распад советского универсума, по мнению Фурса, стали причиной кризиса индивидуальной и коллективной идентичности, породив два регрессивных процесса:

1. Регрессивное восстановление «самости» — позволяет избежать экзистенциального беспокойства и распада личности.

2. Регрессивная актуализация патриотизма, реализуемая через две стратегии: (1) признание привычных институциональных и культурных форм жизни, несущественно изменившихся в Беларуси с советских времен, как позитивных «своих» и вытеснение дестабилизирующих сил глобализации в негативное «чужое»; (2) аффективная инвестиция в государство, понимаемое как страж границ сконструированной в воображении «родины» (Фурс 2006а).

Позднее, в статье «Беларусская реальность в системе координат глобализации» (Фурс 2005), Фурс переосмысливает эти два процесса, предлагая рассматривать первый в качестве примера тяжелой «затяжной» регрессии, выражающейся в «восстановлении личности путем “самоумаления”» (Фурс 2012а: 406), а второй — как две указанные выше символические стратегии, обеспечивающие согласие подчиненного населения. Кроме того, Фурс добавляет и третью символическую стратегию — «самолегитимация авторитарного государства путем производства народа как алиби» (Фурс 2012а: 408).

При том, что нынешняя ситуация в Беларуси и в регионе радикально отличается от той, в которой были написаны статьи Фурса, затрагивающие «казус Беларуси» (а это 2004–2008 гг.), его работы, именно благодаря предлагаемой в них социально-критической рефлексии и стремлению представить более глобальное видение

8 Пользуясь случаем, еще раз выражаем признательность и благодарность переводчикам — Павлу Барковскому, Ивану Новику, Владиславу Иванову, Дмитрию Гамезе, Елене Толопило, Юлии Сальниковой.

и перспективы — прежде всего для Беларуси, но также и региона в целом, — могут стать отправной точкой для более фундированного исследования современных процессов в белорусском обществе.

Таким образом, интеллектуальная эволюция Владимира Фурса представляет собой многогранный и динамичный процесс, в ходе которого он последовательно преодолевает влияние марксистско-ленинской философии и обращается к новым концепциям, чтобы выработать собственную философскую позицию. Каждый из трех этапов его развития — от выбора Хабермаса как символической фигуры до критического анализа белорусской социальной реальности через призму дискурса глобализации — демонстрирует стремление Фурса к глубокому осмыслению актуальных проблем и вызовов, стоящих перед обществом. Его работы не только отражают изменения в философской практике постсоветского пространства, но и служат важным ресурсом для понимания современных процессов в Беларуси. Работы Фурса также представляют собой значимый вклад в развитие современной критической теории, предлагая новые подходы и концептуальные рамки для анализа социальных, политических и культурных процессов. Фурс подчеркивает необходимость отказа от традиционных марксистских интерпретаций и акцентирует внимание на эпистемологическом разрыве между классическим марксизмом и современными подходами. Его идеи о расширении горизонтов критической теории, взаимодействии философии и социологии, а также о важности этической позиции в рамках критического анализа открывают новые перспективы для исследователей. В условиях текущих вызовов необходимость переосмысления идей Фурса становится особенно актуальной, что подчеркивает значимость его интеллектуального наследия для будущих исследований и практик в области критической социальной теории и философии.

Коммеморация и рецепции идей Фурса

Практики коммеморации интеллектуального наследия Фурса имели регулярный характер. За время, прошедшее после его ухода из жизни в 2009 году, было организовано и проведено множество различных мероприятий (в Беларуси, Литве, онлайн-форматах): круглые столы, конференции, семинары; опубликованы статьи, переводы и сборники сочинений. Упомянем некоторые из них:

1. В 2010 году в рамках интернет-издания «Новая Европа» была подготовлена к публикации стенограмма публичной лекции Фурса «Критическое мышление сегодня» (2007), включенная впоследствии в полное собрание сочинений (Фурс 2007b).

2. В 2012 году в издательстве «ЕГУ» благодаря усилиям Ольги Шпараги (составитель), коллег и учеников Фурса было подготовлено к изданию и опубликовано полное собрание сочинений Фурса в двух томах (Фурс 2012a; Фурс 2012b), а также прошли публичные презентации и обсуждения данного издания.

3. В 2013 году в рамках Конгресса исследователей Беларуси (Каунас, Литва, 12 октября) состоялся круглый стол «Проект социальной философии Владимира Фурса: идеи, контекст, перспективы», на основе которого была также подготовлена отдельная публикация в журнале «Топос» (Лаврухин & Ролёнок 2013).

4. В 2019 году состоялись две конференции, приуроченные к 10-й годовщине со дня смерти Владимира Фурса («Фурс – учитель философии» (Минск, 7 июня, ECLAB) и «Социальная теория меняющегося мира» (Вильнюс, ЕГУ, 13–14 июня). В рамках данных конференций обсуждалось философское наследие Фурса как ведущего представителя постсоветской социально-критической теории в нашем регионе, а также практическое влияние его идей на становление демократического сообщества Беларуси.

5. По итогам конференции в Вильнюсе вышел специальный номер журнала «Топос» (№ 2, 2020) «IN MEMORIAM. ВЛАДИМИР ФУРС». В данном выпуске были также опубликованы материалы круглого стола на тему «Регрессивная социальность? Постсоветские общества в системе координат глобализации» (Мацкевич, Минаков, Дмитриев & Щитцова 2020), который состоялся в рамках Конгресса исследователей Беларуси 28 сентября 2019 года в Европейском гуманитарном университете (Вильнюс) и был приурочен к 10-летней годовщине со дня смерти Владимира Фурса.

6. В 2021 году в рамках фестиваля идей «АБДЗІРАЛОВІЧ-21: “У пошуках сваёй сацыяльнай тэорыі: як (беларусам) зразумець беларусаў?”» (24–25 сентября 2021 г., «Беларускі Калегіум») идеи Фурса активно упоминались авторами докладов и участниками круглого стола в контексте попыток осмысления событий в Беларуси и мире на переломном этапе белорусской истории.

7. В 2023 году в журнале «Топос» был опубликован перевод на английский язык обзорной статьи Фурса о Касториадисе (Fours 2023). Именно Фурс ввел в научный оборот в рамках белорусского (и шире – русскоязычного) интеллектуального пространства концепцию Касториадиса. Данный перевод, выполненный Вероникой Фурс, призван поспособствовать распространению идей Фурса среди более широкой (англоязычной) аудитории.

8. В 2024 году вышел сборник переводов работ Фурса на белорусский язык «Беларусь у святле сучаснай крытычнай сацыяльнай тэорыі» (Фурс 2024), осуществленный благодаря бескорыстным усилиям его коллег и учеников.

Также в ЕГУ ежегодно с 2010 года на конкурсной основе выделяется специальная стипендия имени профессора Владимира Фурса студентам бакалавриата, магистратуры и докторантуры, достигшим высоких академических результатов и успешно занимающимся исследованиями в области актуальных социально-гуманитарных проблем.

Структура номера

В структуре настоящего выпуска журнала «Торос» мы постарались отразить тематику дискуссионных панелей конференции 2024 года «Контуры современной критической теории».

Многие из статей настоящего выпуска демонстрируют и актуализируют потенциал той версии критической теории в исследовании Беларуси и региона, которая была обозначена в работах Фурса. При этом тексты, включенные в данный выпуск журнала, в концептуальном плане не ограничиваются теми контурами, которые в 2002 году наметил для критической теории Фурс. Такое расширение горизонта представляется концептуально обоснованным и в большей степени соответствующим и тенденциям развития современной критической теории, и актуальным процессам в регионе. Так, например, цифровые технологии, а с недавнего времени и искусственный интеллект, сперва порождая иллюзию широкого доступа к производству культуры, оказываются вписанными в логику теперь уже цифрового капитализма и его различных вариаций (платформенный капитализм, надзорный капитализм). Не удивительно поэтому, что многие выступления во время конференции были посвящены различным аспектам взаимодействия с цифровыми технологиями и проблемам, связанным с цифровизацией общества. Важной темой для рефлексии стали события в Беларуси и Украине, осмысление которых также требует выработки релевантного философского инструментария.

Ряд статей посвящен рецепции идей Фурса и одновременно возможности их аппликации к современным социальным и политическим реалиям. Так, Гинтаутас Мажейкис в своей статье прослеживает интеллектуальный путь Фурса (от теории рациональностей к анализу коммуникативных актов и их патологий на основе дискурсивной этики Ю. Хабермаса, а затем к теории агонистических разрывов Э. Лакло и Ш. Муфф и скрытых запретов С. Жижека) и артикулирует собственные современные результаты и проблемы такого рода критических рассматриваний. Сергей Любимов рассматривает Фурса как конструктивистского социального философа эмансипации и как автора концептуализации дезорганизации позднего модерна. Владислав Иванов ставит в своем

исследовании цель проанализировать тексты Фурса через призму политической науки и выделить в них наиболее ценные размышления на границе этой сферы и социальной теории, чтобы показать, что есть все основания назвать Фурса мыслителем политического.

Переосмысление наследия классической критической теории в новых социально-политических и культурных контекстах также нашло отражение в ряде статей. Очерчивая контуры современной критической теории, Фурс в качестве одной из ключевых фигур указывал Фуко. Обращаясь к генеалогии власти Фуко, Арунас Мицкявичюс в своей статье демонстрирует важность идей Ницше для философских рефлексий французского мыслителя в отношении власти. В работе обосновывается тезис о том, что генеалогический подход Фуко как альтернатива теории Хабермаса позволяет нам понять, кто мы есть сегодня, а также показано, как генеалогическое исследование Фуко социальных практик дает импульс бесконечной работе нашей свободы. Илья Инишев в своей статье отмечает, что то, с чем мы столкнулись за последние десятилетия, можно описать как общую смену вектора: от направленного наружу расширения к направленному внутрь сжатию (имплозии), что связано с серией сходящихся и, что еще важнее, необратимых процессов — это ускоряющееся глобальное потепление, надвигающаяся технологическая сингулярность, установление «капиталистического реализма», нынешний подъем ИИ и, как следствие, то, что автор называет «воображаемым ускорением», а воображаемое ускоренное общество — импловивным.

Современный политический кризис в регионе стал поводом для ревизии теоретических установок Франкфуртской школы. В статье Дарьи Сингаевской объектом исследования являются концептуальные рамки и применение делиберативной демократии в контексте российско-украинской войны.

Ряд статей посвящен критической рефлексии в отношении цифровых технологий и цифровой культуры. Так, Виктория Константюк в своей работе рассматривает, как генеративный искусственный интеллект изменяет субъективность, восприятие и коммуникацию в (пост)цифровую эпоху. В статье демонстрируется пересечение генеративных медиа, идеологии и алгоритмического контроля, что подчеркивает эрозию автономии и трансформацию желания в цифровом капитализме. Денис Петрина в своей статье исследует проблематику искусственного интеллекта (ИИ) через призму современной критической теории, предлагая двойной аналитический ракурс. С одной стороны, ИИ рассматривается как симптом когнитивного капитализма. С другой — работа поднимает вопрос об эксплуатации гибридного труда человека и машины, акцентируя внимание на необходимости преодоления

антропоцентрических моделей и переосмысления солидарности в постгуманистическом ключе. Ольга Давыдик рассматривает, как информационные технологии могут функционировать в качестве инфраструктур сопротивления и коллективного создания мира перед лицом социально-политической катастрофы, авторитарного подавления и скрытых систем контроля. В ее статье киберфеминизм подвергается ревизии в качестве критического подхода и взамен позиционируется не только как аналитическая оптика для исследования гендера, технологий и политики, но и как стратегия репрофилирования цифровых инфраструктур в качестве мест заботы, аффективной солидарности и политического вмешательства.

Заключение

Очерчивая контуры критической теории, какими они представлялись ему в 2002 году, Фурс уповал на тандем «активной философии» и «думающей социологии», которые для него репрезентировались в Хабермасае, Фуко, Гидденсе и Бодрийяре. Актуальная рефлексия — не исключительно философская, но скорее междисциплинарная — в отношении социальных процессов существенно расширяет эти контуры. Тем не менее, и это демонстрируют статьи выпуска, очевидными представляются две вещи:

1. Рефлексия Фурса в отношении критической теории и, что самое важное, представление о том, чем должна являться эта теория, сформировали концептуальную основу для исследования современных социальных процессов, прежде всего в региональном масштабе;

2. Будучи именно основой, представленная Фурсом версия критической теории должна дополняться, развиваться и подвергаться пересмотру, чтобы продолжать называться современной.

«Дело в том, что критическая социальная теория сегодня представляет собой один из основных вариантов “активной философии”, т. е. такой философии, которая не сводится к мертвой систематике учебного предмета, по привычке включаемого в цикл университетского образования, равно как и к дурной бесконечности комментирования текстов “великих философов”. Это философия, которая продолжает развиваться, отвечая на вызовы быстро меняющегося мира и стараясь сделать его менее мнимо-понятным и более нашим. При таком подходе действительная значимость современной критической теории состоит для нас в том, что это не просто модная западная штучка, а позитивная

возможность собственного мышления, для содержательной конкретизации которой и требуется определение принципиальных характеристик данной исследовательской программы. Так что очерчивание контуров современной критической теории — это задача, адресованная нами в конечном счете нам же самим» (Фурс 2001: 94–95).

Несмотря на то, что концепции Фурса были сформулированы более двух десятилетий назад, они продолжают служить основой для критической рефлексии и анализа текущих вызовов, с которыми сталкиваются Беларусь и весь регион. Участники конференции и авторы номера продемонстрировали, как идеи Фурса могут быть адаптированы к новым условиям, включая влияние цифровых технологий и актуальные социальные трансформации. Это свидетельствует о том, что критическая теория, как ее понимал Фурс, не является статичной (и это демонстрирует само его интеллектуальное наследие в целом), а требует постоянного обновления в ответ на новые вызовы.

References

- Feenberg, A. (2017). *Technosystem: The Social Life of Reason*. Harvard University Press.
- Fours, V. (2000). *Filosofiya nezavershennogo moderna Jurgen Habermas*. Minsk. — In Russ.)
[Фурс, В. (2000). *Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса*. Минск: Экономпресс.]
- Fours, V. (2001). *Kontury sovremennoy kriticheskoy teorii: Predisloviye k rubrike*. *Topos* 1(4): 92–95. — In Russ.
[Фурс, В. (2001). *Контурь современной критической теории: Предисловие к рубрике*. *Топос* 1(4): 92–95.]
- Fours, V. (2002). *Kontury sovremennoy kriticheskoy teorii*. Minsk. — In Russ.
[Фурс, В. (2002). *Контурь современной критической теории*. Минск: ЕГУ.]
- Fours, V. (2004). “Feministski-sotsialisticheskaya” kriticheskaya teoriya pozdnego kapitalizma N. Freyzer. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya* 6: 89–101. — In Russ.
[Фурс, В. (2004). “Феминистски-социалистическая” критическая теория позднего капитализма Н. Фрэйзер. *Полис. Политические исследования* 6: 89–101.]
- Fours, V. (2005). *Belaruskaya “real’nost” v sisteme koordinat globalizatsii (postanovka voprosa)*, *Topos* 1(10): 5–18. — In Russ.
[Фурс, В. (2005). *Беларуская “реальность” в системе координат глобализации (постановка вопроса)*. *Топос* 1(10): 5–18.]
- Fours, V. (2006a). *Proyekt “Sotsial’naya retrogressiya v globalizuyushchemsya mire: kazu Belarusi”*. *Iz semeynogo arkhiva*. — In Russ.

- [Фурс, В. (2006а). Проект “Социальная ретрогрессия в глобализующемся мире: казус Беларуси”. Из семейного архива.]
- Fours, V. (2006b). *Sotsial'naya filosofiya v nepopulyarnom izlozhenii*. Vilnius: EHU. — In Russ.
- [Фурс, В. (2006b). Социальная философия в непопулярном изложении. Вильнюс: ЕГУ]
- Fours, V. (2006c). “Vlast' naroda”: sovremennyye predstavleniya o demokracji i belorusskaya model' “narodovlastiya”. *Topos* 2(13): 15–24. — In Russ.
- [Фурс, В. (2006c). “Власть народа”: современные представления о демократии и белорусская модель “народовластия”, *Топос* 2(13): 15–24.]
- Fours, V. (2007a). Belorusskiy proyekt “sovremennosti”? In: Shparaga, O. (red.). *Evropeyskaya perspektiva Belarus: Intellektual'nyye modeli*. Vilnius: EHU, 43–58. — In Russ.
- [Фурс, В. (2007а). Белорусский проект “современности”? В: Шпарага, О. (ред.). *Европейская перспектива Беларуси: Интеллектуальные модели*. Вильнюс: ЕГУ, 43–58.]
- Fours, V. (2007b). Kriticheskoye myshleniye segodnya. In: *Sochineniya v dvukh tomakh*. Vol.1. Vilnius: EHU, 146–154. — In Russ.
- [Фурс, В. (2007b). Критическое мышление сегодня. В: *Сочинения в двух томах*. Том 1. Вильнюс: ЕГУ, 146–154.]
- Fours, V., (2007c). Resovetizatsiya belorusskikh universitetov. In: Dunaev, V. (red.). *Vyssheye obrazovaniye v Belarus: vyzovy internatsionalizatsii*. Vilnius: EHU, 44–55. — In Russ.
- [Фурс, В. (2007c). Ресоветизация белорусских университетов. В: Дунаев, В. А. (ред.). *Высшее образование в Беларуси: вызовы интернационализации*. Вильнюс: ЕГУ, 44–55.]
- Fours, U. (2008a). Strukturnyya pryntsypy al'ternatywnaha natsyyatvaren'nya. *ARCHE* 11: 85–90. — In Bel.
- [Фурс, У. (2008а). Структурныя прынцыпы альтэрнатывнага нацыятварэння. *ARCHE* 11: 85–90.]
- Fours, V. (2008b). Vvedeniye: Transformatsii publichnosti i postsovetskaya situatsiya. In: Fours, V. (red.). *Postsovetskaya publichnost': Belarus, Ukraina. Sbornik nauchnykh trudov*. Vilnius: EHU, 5–23. — In Russ.
- [Фурс, В. (2008b). Введение: Трансформации публичности и постсоветская ситуация. В: Фурс, В. (ред.). *Постсоветская публичность: Беларусь, Украина. Сборник научных трудов*. Вильнюс: ЕГУ, 5–23.]
- Fours, V. (2012a). *Sochineniya v dvukh tomakh* [Collection of works in 2 volumes]. Vol. 1. Vilnius: European Humanities University. — In Russ.
- [Фурс, В. (2012а). *Сочинения в двух томах*. Том 1. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет.]
- Fours, V. (2012b). *Sochineniya v dvukh tomakh* [Collection of works in 2 volumes]. Vol. 2. Vilnius: European Humanities University. — In Russ.
- [Фурс, В. (2012b). *Сочинения в двух томах*. Том 2. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет.]
- Fours, V. (2023). The Dynamic Conception of the Social in the Philosophy of Cornelius Castoriadis. *Topos* 1: 105–120.
- Fours, U. (2024). *Belarus u svyatlye suchasnay krytychnay satsyyal'nay teoryi*. Furs, V. & Ralyenak, A. (red.). Vilnius: Lohvinau. — In Bel.
- [Фурс, У. (2024). *Беларусь у святле сучаснай крытычнай сацыяльнай тэорыі*. Пад. рэд. В. Фурс і А. Ралёнка. Вільня: Логвінаў.]

- Fuchs, C. (2021). The Digital Commons and the Digital Public Sphere: How to Advance Digital Democracy Today. *Westminster Papers in Communication and Culture* 16(1): 9–26.
- Fraser, N. (2022). *Cannibal Capitalism: How Our System is Devouring Democracy, Care, and the Planet – And What We Can Do about It*. New York: Verso.
- Fraser, N. (2021). “Climates of Capital”. *New Left Review* 127: 94–127.
- Habermas, J. (2023) [2022]. *A new structural transformation of the public sphere and deliberative politics*. Polity.
- Institut für Sozialforschung 2023: 100 years IfS | Perspectives. IfS Working Paper Nr. 20. Frankfurt a. M.: Institut für Sozialforschung, 1 December 2023, https://www.ifs.uni-frankfurt.de/forschung.html?file=files/Content/Publikationen/IfS%20Working%20Papers/20_IfS%20Working%20Paper_Perspektivenpapier.pdf&cid=2448 (accessed 24 June 2024).
- Lauruhin, A. & Rolyenok, A. (2013). Proekt social'noj filosofii Vladimira Foursa: idei, kontekst, perspektivy (kruglyj stol). *Topos* 3: 98–115. — In Russ. [Лаврухин, А. & Ролёнок, А. (2013). Проект социальной философии Владимира Фурса: идеи, контекст, перспективы (круглый стол). *Топос* 3: 98–115.]
- Lindgren, S. (2024). *Critical Theory of AI*. Cambridge, Polity.
- Matskevich, V., Minakov, M., Dmitriev, A., & Shchytsova, T. (2020). Regressivnaya sotsial'nost'? Postsovetskiye obshchestva v sisteme koordinat globalizatsii. *Topos* 2: 64–78. — In Russ. [Мацкевич, В., Минаков, М., Дмитриев, А. & Щитцова, Т. (2020). Регрессивная социальность? Постсоветские общества в системе координат глобализации. *Топос* 2: 64–78.]
- Shchittsova, T. (2020). In Memoriam. Vladimir Fours. *Topos* 2: 7–10. — In Russ. [Щитцова, Т. (2020). In Memoriam. Владимир Фурс. *Топос* 2: 7–10.]
- Shparaga, O. 2012. Predisloviye. In: Vladimir Fours, *Sochineniya*. Vol. 1. Vilnius: ENU, 7–18. — In Russ. [Шпарага, О. 2012. Предисловие. В: Владимир Фурс, *Сочинения*. Том 1. Вильнюс: ЕГУ, 7–18.]